

Макианцева Наталия Вениаминовна,

д.п.н., зав. кафедрой преподавания русского языка как родного и иностранного,

НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,

г. Нижний Новгород

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ИНОФОНАМИ

Аннотация: статья посвящена проблеме восприятия художественного текста студентами-иностранцами, обосновывается выбор концептуальной стратегии, ориентированной на восприятие национально-специфического образа мыслей, отраженного в ментальных единицах – концептах. Приводится пример осмысления концепта «милосердие».

Ключевые слова: концептуальная стратегия, концепт, понимание, смысл, текст, ментальность.

Проблема чтения художественного текста в иноязычной аудитории, несмотря на длительную историю и значительную степень разработанности, продолжает мерцать новыми гранями, по-прежнему привлекая внимание исследователей (Н.В. Кулибина, А.А. Акишина, С.Н. Воробьева, М.Ю. Сидорова и др.).

На сегодняшний день нельзя признать законченными поиски стратегий, используемых для восприятия студентами-иностранцами смысла художественного текста. Что определяет актуальность попыток, направленных на решение данной задачи.

Чтение иноязычного художественного текста – это частный случай межкультурной коммуникации [2, с. 59], который можно представить следующим образом: **Автор – текст – читатель – инофон.**

Восприятие художественного текста инофоном – это возможность не только «раскрыть психологию писателя, его внутренний мир, его душу» [1, с. 44], но и выявить, осознать основные смыслы, обозначить ценности, которые воплощены в языке художественных произведений.

То есть художественный текст в преподавании РКИ выполняет не только эстетическую, языковую функцию, но и культурологическую, передавая информацию об истории, национальном поведении, национальном характере.

Нас будет интересовать художественный текст как ментальный феномен, обладающий лингвокультурной ценностью, отображающий особенности национально-культурного (русского) дискурса.

В ходе изучения художественного текста студенты постоянно сталкиваются с явлением разгадки смысла, с опорой на герменевтику решают задачу чуда понимания.

Смыслом языкового знака является концепт. «Улавливание», «узнавание», анализ концептов как основных единиц национального менталитета (В. Колесов) – сложная задача для инофонов. Как справедливо считает выдающийся психолог А.Н. Леонтьев, задачи на смысл, на открытие смысла являются самыми трудными.

Поэтому особую важность при восприятии художественного текста, на наш взгляд, приобретает концептуальная стратегия, которая понимается как «ментальный план достижения цели» [6, с. 95], направленный на выявление этнокультурных концептов как интерпретаторов смысла. Концептуальная стратегия ориентирована на оптимальное восприятие национально-специфического образа мыслей, присущего народу, говорящему на данном языке.

Весь диалог читателя с текстом пронизывают когнитивные процессы. «Когниция организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, – делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре» [3, с. 25].

Поэтому носитель языка не испытывает когнитивных трудностей (или испытывает их в меньшей степени, чем представители другой культуры), поскольку когнитивные процессы реализуются на родном языке. Встречаем в тексте необычное слово, необычное его употребление и т.д., носитель языка подвергает его осознанной рефлексии. «Рефлексия выполняет роль

своеобразного канала связи, благодаря которому к читателю поступают представления, необходимые для освоения того или иного фрагмента текста» [1, с. 92].

Объем неизвестного значительно увеличивается, если в диалог с текстом вступают представители другой культуры.

Иллюстрацией высказанных суждений служит фрагмент занятия, проводимого по модели «Тандем». Разным категориям студентов-филологов – русских и иностранных – был предложен диалог Гринёва и Пугачёва из повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

- А ты полагаешь идти на Москву?

- Бог весть. Улица моя тесна: воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро? При первой неудаче они свою шею выкупят своей головою.

- То-то - сказал я Пугачёву. Не лучше ли тебе отстать от них самому заблаговременно да прибегнуть к милосердию государыни?

- <...> Нет, поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою.

- А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его телом пушку и выпалили!

- Слушай, - сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. – Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве рассказывала старая калмычка.

«Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? - Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, - что ты пьешь чужую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел и ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там, что Бог даст!»

- Какова калмыцкая сказка?

- Затеялива. Но жить убийством и разбоем значит по мне - клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал.

Смысловая структура текста
а) Ситуация. Диалог, выявляющий философский смысл жизни

б) Участники ситуации: Предводитель народного восстания «крестьянский царь», дворянин, власть защищающий. Противостояние. Контраст.	
в) Словесное понимание реплик.	
г) Смысловое понимание реплик. ...лучше раз выпить живой кровью, а там, что Бог даст...» «жить убийством и разбоем значит по мне – клеветать мертвечину».	
д) Рефлексия на реплики диалога. Интерпретация реплик	
На входе:	
Рефлексия студентов НГЛУ	Рефлексия иностранцев
Гринев советует Пугачеву заблаговременно прекратить бунт, покаяться. Гринев пытается изменить жизнь Пугачева к лучшему.	Пугачев-бунтарь непонятно зачем рассказывает сказку. Непонятно, что значит «авось удастся». Пугачев идет против закона. Не думаю, что государь может простить бунтаря.

Концептуальная информация воспринималась иностранными студентами как трудность, которая есть не что иное, как специфическая языковая особенность иного представления о мире. Речь идет о словах, имеющих особый концептуальный статус. Они либо не имеют соответствия в других языках (авось – эндемичная единица, удаль тоска), либо обладают мощными национальными коннотациями (воля, милосердие).

Вначале интерпретация иностранных студентов сводилась к тому, что Пугачев – самозванец, бунтарь, любит своеволие, не хочет послушаться разумного совета. Смысл сказки студенты не поняли и высказывали удивление – зачем она появилась в тексте.

Лишь после комплексного анализа концептов (ассоциативный эксперимент, выявивший лакунарность безэквивалентного слова «авось», прояснение внутренней формы слов «тоска», «воля», «милосердие» и др.) сознание обучаемых было настроено на восприятие концептов, на базе которых они сумели извлечь из диалога необходимую информацию и дать его глубокую интерпретацию.

В качестве примера приводим фрагмент работы по осмыслению концепта «милосердие»

Слово «милосердие» заимствовано из старо-славянского языка. Ст.-сл. милосердие образовано с помощью суффикса иј от именного прилагательного милосръдь – ‘жалостливый’ и является словообразовательной калькой латинского misericordia – ‘сожаление, сострадание, жалость’. Прилагательное милосръдь – калька латинского прилагательного misericordia, которое является сложением miser – ‘достойный сожаления, милости’ и cor, род пад. ед. числа cordis – сердце. [5, с. 266].

Ключевые оценочные поля в русском языке в свою очередь дифференцируются на составляющие их единицы. Милосердие представлено лексемами «милость» и «милосердный». Милосердный рассматривается как «божественная сущность».

«Дар», пожертвование, подаяние оценивается как эмоциональная реакция индивида на несчастных, падших людей.

Сострадание – как нравственная категория: подлинное сопереживание, печаль при виде бедствия, гибели, вреда человека, этого не заслуживающего, истинная справедливость.

Жалость, любовь, доброта характеризуют человека, погруженного в сферу чувств, отношений с другими людьми. Жалость, с одной стороны – высокая ценность, основа альтруизма, отзывчивость: «сердце не камень», с другой – презренный вид малодушия (жалость к самому себе) или унижение (не жалеть... не унижать его жалостью...) и обман (ложь) из жалости (он поет ложь из жалости).

«Любовь» – божественное начало, сочувствие, готовность разделить одиночество (люби ближнего твоего как самого себя).

«Доброта» – благодеяние (делать благо-добро), милосердие (это активная доброта), помощь, милостыня.

По заданию преподавателя студенты должны были собрать практический языковой материал, иллюстрирующий употребление основных лексем-

репрезентантов концепта «милосердие». Актуальный слой концепта выявлялся также свободным ассоциативным экспериментом.

МИЛОСЕРДИЕ					
личностные качества человека		сущностная характеристика человека	философская характеристика		
сострадание	доброта	любовь	мера человека	соотношение с реальией	
<i>жалость</i>			<i>истинное</i>		
<i>милость</i>			<i>мнимое</i>		

МИЛОСЕРДИЕ					
общественно значимая помощь, поддержка		духовная ценность		чувство	
духовное содержание	материальное содержание	этническая	нравственная	приобретенное	врожденное

Приемом сплошной оценки собранного студентами материала выделены факты употребления, близкие к определениям типа: милосердие – это «любовь, возможная ко всем людям, в этом ее сила», «это активная доброта», «это деятельное сострадание»; «жалость – это проявление милосердия».

На основе контекстов употребления основных лексем, представляющих концепт «милосердие» в толковых словарях, были выявлены смысловые его характеристики. Полученные смыслы оценивались как с точки зрения соответствия их словарным дефинициям, так и с точки зрения «приращения» смысла в различных контекстах употребления. Графически отмечены смысловые группы в их семантических отношениях. Предметно-философские реалии оцениваются с позиции меры человека – истинность/мнимость. Милосердие как сущностная характеристика человека реализуется через любовь. Личностная качественная характеристика милосердия, в свою очередь, проявляется в доброте, сострадании, жалости, милости. Поскольку «милосердие» как базовый духовный концепт представляет собой также

чувство, оно дифференцируется как врожденное и приобретенное. Содержание этого концепта в русской концептосфере как духовной ценности проявляется в нравственном и этическом аспектах.

Общественная значимость подразделяется на материальную и духовную.

Основными языковыми средствами, выражающими чувство милосердия, являются конкретные имена существительные (чувство, ценность) и отвлеченные существительные (доброта, справедливость, сострадание).

Оценочное значение милосердия выражается также относительными прилагательными (исключительный, деятельная, врожденная, этическое). Как правило, они несут качественные эмоциональные и эстетические характеристики. Нередко лексемы «милосердие», «благотворительность» являются сложными словами. В целом оценочные значения, передаваемые такими лексемами, отражают взаимодействие психологического, нравственного, а также коммуникативного аспектов оценки поведения человека. Формула милосердия включает, как минимум, два субъекта: «сострадающего» и «страдающего» («В лад другой душа душе страдает» Д. Самойлов).

По совокупности языковых средств выражения концепта «милосердие», а также контекстов их употребления студенты-инофоны получают целостное представление о содержании концепта в сознании носителей языка.

Также проводилась работа по осмыслению других концептов, в результате чего понимание смысла реплик диалога, было приближено к авторскому замыслу и соответствовало русской ментальности.

По справедливому замечанию З.А. Тураевой, текст способен изменить модель мира в сознании читателя [4, с. 105]. Это глобальное утверждение нашло воплощение и в работе с иностранными студентами над художественным текстом. Как показало исследование, чтение художественного текста – это вторжение в систему сознания студентов, построение в их когнитивном пространстве определенной модели мировосприятия.

Смысловая структура текста	
На выходе: Рефлексия студентов НГЛУ	Рефлексия иностранцев
У Пугачева своя духовная позиция, своя философия жизни. Пугачев надеется на русское «авось». Гринев не понимает Пугачева. В ответе Гринева нет истинного понимания происходящих событий, несмотря на то, что взаимоотношения героев основаны на милосердии, на духовном контакте. Поцарствовать, во что бы то ни стало. Воля, не знающая границ. Духовная позиция Пугачева проявляется через базовые концепты русского мира – «воля», «милосердие». Сознание Гринева исторически обусловлено. Смысл жизни Пугачева: «есть упоение в бою».	Свое понимание жизни Пугачев воплощает в сказке. Пугачев хочет один раз побыть царем, а там, что будет. Может быть (авось), получится хорошо. Пугачев не убедил Гринева, который понимает все слишком прямо, не способен подняться до высокого символа. Диалог героев не заканчивается пониманием, и это – жаль. Диалог Гринева и Пугачева – это провал коммуникации. Кажется, Пугачев и Гринев вкладывают разный смысл в понятие «воля», «свобода», «жизнь».

Концептуальная стратегия, ориентированная на комплексное изучение ментальных единиц – концептов – в пространстве художественного текста, обеспечивает его правильное смысловое восприятие и понимание, способствуя тем самым эффективности и результативности учебного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М., 2009. 328 с.
2. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. – СПб.: Златоуст. – 2001. – 264 с.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
4. Тураева З.А. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3.

5. Шанский Н.М. *Краткий этимологический словарь русского языка* / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

6. Bimmel P., Rampillon U. *Lernerautonomie und Lernstrategien. Fernstudieneinheit. Goethe-Institut, Munchen 2000. – 208 s.*